

Елена Гранкина,
БГПУ им. М. Танка, Минск

ОППОЗИЦИЯ «ЖЕНСКОЕ / МУЖСКОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Е. БРАВО «ТОПИТЬ ДЕВОЧЕК ЗДЕСЬ РАЗРЕШЕНО» И М. ЭТВУД «МУЖЧИНА С МАРСА»)

Утверждающийся в современном литературоведении гендерный подход к анализу художественного произведения, дешифруя ранее игнорируемые либо считающиеся второстепенными его коды (например, исследование текста с точки зрения способа реализации в нем гендерных ролей, стереотипов, жизненных моделей женщин и мужчин), открывает новые возможности прочтения произведения на многих уровнях: проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном, уровне системы персонажей, хронотопа, авторской картины мира и т.д.

Оппозицию «женское / мужское» нельзя считать «открытием» гендерного анализа – она, «благодаря ее исконной природной сущности», является универсалием, «конструирующим для человека его собственный образ и образ других людей» [1, с. 12]. В то же время место данной оппозиции в гендерном подходе первостепенно.

Рассмотрим особенность оппозиции «женское / мужское» на примере малой прозы современной белорусской писательницы Елены Браво (рассказ «Топить девочек здесь разрешено») и представительницы литературы Канады Маргарет Этвуд (рассказ «Мужчина с Марса»).

Смысловое наполнение сюжета обоих произведений образует исследование тонкостей взаимодействия, диалога (или его отсутствия) мужчины и женщины, обретений (а чаще – потерь), сопутствующих этому взаимодействию.

Фабула рассказа Е. Браво такова: главная героиня Аэлита, почувствовав физическое недомогание, пытается найти ему объяснение: нервы, переутомление, отравление, простуда? Но выясняется, что причина в страшном – смертельном – заболевании: давний знакомый, соратник по духовным (буддистским) и, очевидно, физическим практикам, заразил ее ВИЧ. Не зная еще о своей болезни, она ждет встречи (которая так и не состоится) с неким Кудиным, не очень ей дорогим и не любимым мужчиной, но единственным, кто готов быть рядом с Аэлитой, и одновременно вспоминает о Нем – о том, кто был ей действительно нужен, но кто оставил ее уже давно. Однако в финале рассказа бывшие возлюбленные вновь встречаются, но теперь Аэлита, зная о болезни, принимает решение: «с этого времени Он будет принадлежать только ей, и они больше никогда не

разлучатся... Она будет любить его терпеливо и горячо, как ни разу никто за последние сорок тысяч лет» (здесь и далее перевод с белорусского Е. Г.) [2].

В основе рассказа М. Этвуд «Мужчина с Марса» – история Кристин, обычной девушки, подруги для всех – и для женщин, и для мужчин – не слишком привлекательной, высокой и крупной. Однажды ей встречается студент-иностранец, человек «другой культуры», что неоднократно подчеркивается в тексте, который пытается с ней познакомиться, приходит в ее дом, ждет после занятий возле университета – и постепенно превращается в молчаливого преследователя, тайного воздыхателя, пугающего Кристин своей навязчивостью и необъяснимостью намерений [5, с. 8, 13, 27]. Определенные обстоятельства вынуждают девушку сообщить о нем в полицию. Через некоторое время мужчину депортируют на родину, а Кристин возвращается к своей обычной жизни.

Казалось бы, между этими рассказами белорусской и канадской писательницы мало общего. Однако это не так.

Героиня рассказа «Топить девочек здесь разрешено» носит необычное имя Аэлита. Как говорит ее матери один из персонажей произведения, имея в виду способность предсказания, которую обрела девушка после удара шаровой молнии: «Мария Семеновна, вы чрезвычайно удачно выбрали имя дочери – Аэлита! Из области фантастики...» [2]. Это имя, очевидно, является аллюзией на имя героини повести А. Толстого «Аэлита», дочери марсианского диктатора, спасшей своего любимого мужчину от гибели и обладающей неземной – магической – силой и красотой.

Возможно проводить большое количество параллелей между этими двумя образами, выявляя их сходства и различия. Однако отметим один из самых существенных моментов: Аэлита Е. Браво – это антитеза Аэлиты А. Толстого, поскольку в финале рассказа «Топить девочек здесь разрешено» Аэлита принимает решение убить своего возлюбленного. Как иначе воспринимать ее стремление передать своему некогда герою – своему Единственному, Небесному мальчику (Сын Неба – у Толстого), покинувшему ее на долгие три года и так внезапно появившемуся – вирус, который у нее обнаружился? Однако «черное» решение Аэлиты компенсируется темными красками, которыми писательницей рисуется Небесный мальчик: он вор, обманщик, соблазнитель, предатель, есть ли смысл ему оставаться в живых, когда героиня погибает?

Данное авторское решение финала рассказа вписывается в основное значение оппозиции «женское / мужское», когда в женской символике обнаруживается танатологическая составляющая (смерть, хаос, темнота, природа, алогичность) в противовес мужскому началу – разумному, цивилизованному, упорядоченному (см., например, статью «Гендер» в «Словаре гендерных терминов» А. Денисовой) [3].

К особенностям названия рассказа «Топить девочек здесь разрешено» мы обратимся позже. А сейчас хотелось бы провести аналогию между именем главной героини произведения Е. Браво (переосмысленной толстовской марсианки Аэлита) и названием рассказа М. Этвуд «Мужчина с Марса», которое, в свою очередь, отсылает к ставшей известной книге Дж. Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» (1992), что является метафорой различия мужчин и женщин, словно выходцев с разных планет (однако отметим, что рассказ М. Этвуд был напечатан раньше книги Грея – в 1977 г.).

Вероятно, не случайно в обоих произведениях опосредованно возникает образ Марса: это и другая планета, иное происхождение, и дистанция между героями, космическое – непреодолимое – расстояние между ними. Но нельзя не вспомнить мифологическое значение этого образа: Марс – древнеримский бог войны. Война – это разрушение, смерть. Аэлита несет в себе смерть (замысел убийства предавшего возлюбленного). В то время как в рассказе М. Этвуд разрушение воплощено в образе героя-мужчины – безымянного «представителя другой культуры», грозящего нарушению покоя и привычного существования Кристин, мужчины, в ком она видит агрессора, захватчика (даже факт совместного с ним фотографирования Кристин воспринимает особенно: «Он овладел..., но не ею, а ее целлулоидным изображением...»), однако с исчезновением которого она словно умирает духовно, возвращаясь к своей ежедневной статике – «без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви» [5, с. 20].

Образ войны также возникает в этих рассказах: у Е. Браво Аэлита – учитель истории, рассказывающая о войне 1812 г. и принимающая участие в современной реконструкции боевых действий, в рассказе М. Этвуд Кристин – член Дискуссионного клуба, выступающая со своей командой в полемике «Эта Война Устарела» и защищающая аргументы «за», что и приносит ей победу. Примечательно, что писательница не раскрывает суть этого интеллектуального столкновения: о какой войне идет речь? Однако на символическом уровне можно предположить, что эта неназванная война – война полов, дисгармония, противоречие, которое, как признают обе писательницы, остается неразрешимым и сегодня.

Если Аэлита Е. Браво – носительница танатоса – соответствует видению женской социальной функции, обнаруженной в культуре гендерной теорией, то М. Этвуд словно переворачивает традиционные роли. Ведь именно иностранец-мужчина нарушает заданный порядок, вносит хаос и опасность в жизнь женщины: «Она [*Кристин*] представляла бритву ли, нож, пистолет... Она старалась не носить шарфов, памятуя, что в газетах пишут про девушек, задушенных шарфами... Она представляла его... пальцы на своем горле, представляла, как он разрывает на ней одежду...» [5, с. 25–26]. Этот страх насилия, хаоса, деструкции, который вызывает мужчина – Другой

по отношению к женщине – подчеркивается не только на уровне психологического дискомфорта Кристин, вызванного его появлением, но и на бытовом, внешнем, физическом уровне: «... рукава до самых костяшек, по краям болтались нитки... С некоторой брезгливостью Кристин заметила, что ногти его обгрызены до безобразия. На некоторых пальцах – пятка от протекшей шариковой ручки» [5, с. 9].

Но весь ход повествования убеждает, что в этом внешнем как будто разрушении было свойственное мужской составляющей оппозиции упорядочение, свет, сила, активность, рациональность. Кристин стала меняться: «Как бы ни утомляло и ни раздражало это преследование, оно дало странный результат: оно было таинственно и сама Кристин тоже становилась девушкой таинственной. А никто прежде не находил Кристин таинственной... В ванной она больше не представляла себя дельфином: теперь она была неуловимой русалкой, а иногда входила в раж и оказывалась вовсе Мэрилин Монро. В дополнение ко всем другим преимуществам она начала худеть» [5, с. 25].

М. Этвуд особенно обращает внимание на антагонизм главных героев, на различия, делающие диалог невозможным. Во-первых, они представители разных полов, во-вторых, они – представители разных национальностей, говорят на разных языках (она родилась в Канаде, он – родом из другой, «восточной страны», название которой Кристин знала, но оно «не запомнилось, слишком маленькая страна, эти названия вечно сливаются в голове» [5, с. 32]). Они выглядят диаметрально противоположно: он – «низкорослый мужчина, ниже ее на голову. Кристин же была девушкой рослой – «величавой», как говорила ее мать, стараясь ободрить» [5, с. 8], у них разные модели поведения: он – догоняет, она – убегает («они были в классической связке – убегай-догоняй» [5, с. 22]) и, как апогей этого различия, он (в переносном смысле) – мужчина с Марса.

Однако эта подчеркиваемая разница, образующая бинарность оппозиции «женское / мужское», задает созидательный вектор этой непохожести. Сформулированный Н. Бором принцип дополнительности утверждает, что для того чтобы наиболее адекватно определить физический объект его нужно изображать во взаимоисключающих, дополнительных системах описания. Этот принцип был воспринят и осмыслен культурологами, философами, лингвистами. Так, Ю. Лотман применил понимание принципа дополнительности к семиотике культуры: «Польза партнера по коммуникации заключается в том, что он другой. Коллективная выгода участников коммуникативного акта заключается в том, чтобы развивать нетождественность тех моделей, в форме которых отображается внешний мир в их сознании. Это достигается при несовпадении образующих их сознание кодов. Чтобы быть взаимно полезными, участники коммуникации должны «разговаривать на разных языках» [4, с. 45].

Таким образом, данное теоретическое положение в совокупности с гендерным подходом к прочтению художественного произведения помогает выявить символическую систему текста. Проведенный анализ рассказа М. Этвуд обнаруживает едва ли не постулируемую писательницей идею о том, что для познания и мира, и самих себя, для установления гармонии внешнего и внутреннего необходимо взаимодействие таких разных и таких нужных друг другу носителей «разных языков», разных культурных кодов, разных смыслов, разных полов. Не случайно депортация «мужчины с Марса» привела к тому, что у Кристин «постепенно аура таинственности истоцилась», она «поступила на работу в департамент здравоохранения. Работала хорошо, как женщину ее не дискриминировали, потому что никто не воспринимал ее как женщину... В теннис играла все реже, и мускулы с налетом жирка превратились в жир с тонкой прослойкой мускулов. Начались головные боли» [5, с. 32].

В рассказе М. Этвуд сами персонажи – женщина и мужчина – превращаются в символы: символы непонимания и непонятости. Существенное внимание символу в познании внешнего мира уделяет и Е. Браво. Аэлита воспринимает реальность как их совокупность: «Мы воспринимаем мир через набор символов... Символы апеллируют к темной сфере инстинктов, минуя разум и логику. Мы безосновательно придаем той или иной особенности... некое значение, а потом жалуемся на обман» [2]. Действительно, в этой дешифровке символического кода главной становится проблема интерпретации, трагичность ее ошибки, когда, «разжимая пальцы», держащиеся за то, что казалось правдой, реальностью, вдруг ощущаешь себя «в пустоте без опоры» и приходишь к пониманию того, что «жизнь стала бессмысленной» [2]. Так произошло с Аэлитой, когда она сильные плечи мужчины восприняла как символ надежности, а выросшую в лимонное деревце «похороненную» косточку – как символ воскрешения любви. И ошиблась.

Идея невозможности героями понимания друг друга заложена и в символизме названия обоих произведений: «Мужчина с Марса» (о чем говорилось выше) и «Топить девочек здесь разрешено». Столь необычное название рассказа белорусской писательницы связано с особенностями возникающего и в нем образа «другой культуры», проникнуть в которую героям произведения не удастся: некоему историку, «который считал себя рериховцем, посчастливилось оказаться в Китае. Он тут же бросился изучать храмовые надписи и изображения божеств, – искать сокровенные знания. В живописном месте, на берегу реки, на полуразрушенной стене он увидел древнюю надпись и, конечно, захотел ее прочесть. Пригласил переводчика. А там вот что оказалось написано: «Топить девочек здесь разрешено». Да-да, вот здесь, пожалуйста, сколько угодно, а вниз по реке – там почему-то нельзя. «Азиатчина, дикость», – возмущался «рериховец». Дело же в том, что

душа Востока закрыта для неудачных «искателей». Недаром тамошняя мудрость говорит: только если ученик подготовлен, приходит учитель» [2].

Героини рассказов и Е. Браво, и М. Этвуд оказались не готовы к приходу этого учителя, к пониманию тех «партнеров по коммуникации», которые в гендерной теории представлены образом Другого, носителя иных смыслов, без кого сам факт познания невозможен.

Трагическое звучание обоих произведений подтверждено картиной мира, которую создают писательницы. Рассказ «Топить девочек здесь разрешено» начинается словами: «Травят, травят – а какая польза?», что на событийном уровне имеет вполне бытовое объяснение: героиня Аэлита живет в общежитии и вот уже несколько недель там проводится дезинфекционная работа, уничтожают тараканов [2]. Однако эта травля, как вытекает из повествования, распространяется не только на насекомых, но и на человека: люди «травят» друг друга и физически – заражая смертельными вирусами (не случайно в произведении возникает этот образ: как отмечала директор техникума, Аэлита, в результате и сама оказавшаяся носительницей вируса, любила «повторять вслед за средневековыми шарлатанами, что вирусы будто бы слуги невидимого демона»), и психологически – предавая человека, играя его чувствами (один из героев рассказа, будучи не в силах пережить предательство любимой женщины и его трагические последствия, кончает жизнь самоубийством). На протяжении всего рассказа героиню преследуют боли, она сама чувствует себя «недобитым тараканом», женщиной в предродовых муках, хотя «откуда ей знать, как они [в схватках] страдают» [2].

В не менее некомфортном, отчасти враждебном мире живет и героиня рассказа М. Этвуд. Даже путь Кристин после занятий теннисом домой полон негативных эмоций: она видит «сморщенные поганки стариковских лиц», «скошенные крысиные подбородки» белок, небрежно одетого молодого человека, чьи глаза сквозь очки «таращились на Кристин, словно через аквариум...» [5, с. 7, 8]. Даже в своем доме, в своей собственной комнате как в зоне приватности, «своей стихии» (необходимость которой обозначила В. Вулф), Кристин (к слову, как и Аэлита) не чувствует покоя и защиты.

Таким образом, изучение оппозиции «женское / мужское» в произведениях современных писательниц позволяет не только рассмотреть мир взаимодействия женского и мужского начал, но и убеждает в неразрывности этих двух составляющих, в необходимости гармонии сосуществования духовного и рационального, женского и мужского в адекватном познании мира, общечеловеческой культуры.

Литература

1. Алпатова, Т. А. Оппозиция «мужское / женское» в художественном мире Н. М. Карамзина / Т. А. Алпатова // Вестник новгородского

государственного университета им. Ярослава Мудрого. Выпуск № 56. – Новгород, изд-во НГУ, 2010. – С. 12-15.

2. Брава, А. Тапіць дзяўчатак тут дазволена / А. Брава // Беларуская палічка: беларуская электронная бібліятэка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knihi.com/Alena_Brava/Topic_dziaucatak_tut_dazvolena.html – Дата доступа: 09.07.2015.

3. Денисова, А. А. Гендер / А. А. Денисова // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gender.cawater-info.net/knowledge_base/glossary/g.htm – Дата доступа: 09.07.2015.

4. Лотман, Ю. М. Феномен культуры / Ю. М. Лотман. // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра. – 1992. – С. 34-45.

Этвуд, М. Мужчина с Марса / М. Этвуд // Пожирательница грехов: рассказы. – М. Эксмо, 2006. – С. 7-33.